

Глава 8

Кан Хэ отправился в уезд вместе с Фань Цзином. Понимая, куда они идут, он прихватил с собой узелок. По дороге, заметив вопросительный взгляд Фань Цзина, он развязал его и показал комплект одежды и пару сапог — те самые, в которых он приехал. Семья Кан, прощаясь с сыном, который отныне будет принадлежать другому роду, позаботилась о том, чтобы он выглядел достойно в последний раз.

Затем Кан Хэ достал две медные монеты и жестаи объяснил, что хочет отнести эту одежду из хорошей ткани в лавку — продать или обменять, чтобы купить подарки для семьи Фань. Новая одежда была удобной и красивой, но для деревенской жизни совершенно не годилась. Кроме как надеть её пару раз на выход, оставалось только хранить в сундуке. Жалко было оставлять хорошую вещь без дела, но и носить её для работы было бы расточительством — испачкается, порвётся, одно расстройство. Лучше уж пустить её в дело сейчас, когда это нужнее.

Фань Цзин, кажется, уловил его мысль, но вмешиваться не стал: вещи принадлежали Кан Хэ, и только ему было решать их судьбу.

Убедившись, что Фань Цзин не возражает, Кан Хэ немного успокоился, но его деятельная натура не давала ему покоя. Он тут же принялся указывать на видневшуюся вдали деревню, пытаясь выяснить у Фань Цзина её название.

— Посёлок Чуаньхэ.

Услышав ответ, Кан Хэ попытался повторить:

— ...Чуань... хэ?

Фань Цзин, услышав его неуклюжее произношение, невольно взглянул на него. Увидев, с какой серьёзностью тот смотрит на него своими тёмными глазами, он лишь кивнул.

Запомнив название, Кан Хэ принялся расспрашивать о пекинской капусте, соевых бобах и мальве, росших в полях. За этот час он заставил немногословного Фань Цзина произнести, наверное, трёхдневную норму слов.

Добравшись до уезда, Фань Цзин на лотке у входа на улицу купил Кан Хэ чашку горячего чая. Затем они свернули в переулок Ван По и направились в таверну «Горные деликатесы от чиновника Ли».

Говорили, что хозяин таверны, господин Ли, в молодости был заядлым охотником, но из-за болезни ослаб и больше не мог ходить в горы. Однако любовь к дичи у него осталась, и он часто посылал слуг покупать у охотников фазанов, кроликов и оленей. Со временем он собрал множество рецептов и в конце концов открыл собственную таверну.

Это заведение было постоянным клиентом Фань Цзина, и он обычно сдавал свою добычу сюда. Закупщик в таверне хорошо его знал. Он привычно осмотрел товар, назвал цену, и, поскольку она устроила Фань Цзина, сделка состоялась. За одного пёстрого фазана, двух серых полевых птиц и разделанную и завёрнутую в банановые листья тушку поросёнка он получил двести пятьдесят монет. Закупщик отмерил два цянтя серебром и отсчитал пятьдесят медяков.

Фань Цзин перепроверил вес серебра, убедился, что всё верно, и убрал деньги в кошель на поясе. Закупщик, заметив это, ничего не сказал.

Справившись с делами, Фань Цзин уже собирался уходить, но, увидев, что закупщик всё ещё стоит рядом, бросил:

— Спасибо.

Тот не ответил, лишь мотнул головой и вернулся в таверну.

Фань Цзин закинул за спину опустевшую корзину и обернулся. Кан Хэ, задрав голову, всё ещё разглядывал вывески на улице. Он делал это с таким увлечением, что, казалось, не замечал ничего вокруг — так было с самого их прихода в город.

Фань Цзин провёл рукой у него перед глазами, и только тогда тот очнулся.

— ...Всё?

— Да, — ответил Фань Цзин и пошёл вперёд.

Кан Хэ поспешил за ним, не в силах скрыть радости. И было отчего: он с таким интересом разглядывал вывески потому, что, к своему изумлению, понимал большинство надписей! Повсюду, насколько хватало глаз, высились большие и маленькие лавки: «Кирпичная мастерская», «Парфюмерная лавка», «Мыловарня», «Лавка сухофруктов семьи Цянь», «Аптека "Трижды не обманешь"»... Шумная и пёстрая торговля кипела всюду.

Но самое удивительное было в том, что он понимал не только надписи. Он понимал и речь людей — тех, что были одеты в нарядные халаты, сапоги с золотым шитьём и выглядели весьма солидно. Он понимал почти всё, что они говорили!

Кан Хэ смутно догадывался, что непонятный ему язык был всего лишь местным диалектом, а в большом городе, где собирались люди из разных мест, говорили на том же языке, что и он.

подавив внезапную радость, он решил во что бы то ни стало разобраться в этом.

Тем временем Фань Цзин привёл его в лавку под названием «Лавка тканей госпожи Хуэй у моста». На двери висела табличка с надписью: «Требуется работник. Подробности внутри». Лавка находилась на отшибе, была небольшой, и её можно было окинуть одним взглядом.

Посетителей не было. Как только они вошли, сидевшая за прилавком женщина с пятишестилетним ребёнком на руках обратила на них внимание.

— Да Цзин, спустился с гор?

Фань Цзин кивнул.

Женщина спустила с рук мальчика с задорным хохолком на макушке и дала ему погремушку.

— Иди поиграй.

Мальчик выбежал из-за прилавка и крикнул:

— Дядя Да Цзин!

Фань Цзин потрепал его по голове, и малыш, гремя погремушкой, выбежал на улицу.

— Хочешь купить цветных ниток для Чжэньэр? У нас как раз новый завоз, очень красивые, твой

дядя из самого округа привёз, — с улыбкой сказала женщина, но тут её взгляд упал на незнакомого Кан Хэ, стоявшего позади.

— А это кто? — с удивлением спросила она, разглядывая озиравшегося по сторонам Кан Хэ. Она впервые видела Фань Цзина в компании другого мужчины.

— Мой жених.

Глаза женщины округлились. Она ещё раз внимательно посмотрела на Кан Хэ.

— Уже договорились?

Фань Цзин кивнул.

— Какая радость! — просяла женщина. — Тётушка видит, что парень хороший. Твоя мать теперь, должно быть, спокойна.

Эту женщину звали Лян Хуэй. Ещё в девичестве она дружила с родной матерью Фань Цзина, госпожой Гу. После её смерти она продолжала заботиться о брате с сестрой, часто даря им нитки и ткани. Фань Цзин иногда приносил ей в ответ лесные дары.

Узнав, зачем они пришли, она уже собиралась посмотреть одежду и сапоги в узелке Кан Хэ, как в лавку вошла молодая девушка. Госпожа Лян, приняв её за покупательницу, тут же поспешила её поприветствовать.

— Я слышала, вы ищете работницу. Вы уже нашли кого-нибудь?

Услышав, что девушка пришла по поводу работы, госпожа Лян ответила:

— Ещё нет. Вы для себя ищете?

— Да.

— Да Цзин, вы торопитесь? — обратилась госпожа Лян к Фань Цзину.

Видя, что у неё дела, Фань Цзин ответил:

— Нет, тётушка, занимайтесь.

Госпожа Лян вышла из-за прилавка и пригласила их присесть. Только тогда Кан Хэ заметил, что женщина была беременна, месяцев на пять или шесть. Она налила им чаю, затем принесла стул для девушки и принялась её расспрашивать.

— Раньше я работала в лавке у старухи Ли. В прошлом месяце приехала её племянница, и я оказалась лишней. Я разбираюсь во всех видах тканей и немного грамотна.

Госпожа Лян кивнула и спросила:

— А на официальном языке (гуаньхуа) говорите?

— И говорю, и понимаю. Я выросла в уезде, меня с детства учили.

— Зазови-ка пару покупателей, я послушаю.

Девушка, ничуть не смутившись, встала, подошла к двери и громко крикнула на улицу:

— Госпожи и барышни, заходите посмотреть! В нашей лавке новый завоз прекрасных тканей! Цены низкие, качество отменное! Даже если не купите, заходите отдохнуть!

Кан Хэ, услышав её речь, наконец понял, что происходит. Госпожа Лян, видя, что девушка не робеет и, очевидно, имеет опыт в торговле, да и лицом приятна, осталась довольна.

— Документ о регистрации (цзици) с собой? — спросила она.

Девушка с радостью достала документ и протянула ей.

— Я местная, с хорошей репутацией. Можете проверить мой документ и поспрашивать обо мне.

Услышав это, Кан Хэ нахмурился. Он не удержался и подошёл ближе. Госпожа Лян не поняла, в чём дело, но доброжелательно пояснила:

— В уезде для любой работы нужен документ о регистрации. — И, опасаясь, что он не поймёт официальный язык, повторила то же самое на местном говоре.

Брови Кан Хэ сошлись ещё плотнее. Он помнил, что ни в его сумке, ни в сундуке такого документа не было. Он указал на документ девушки, а затем на себя.

Фань Цзин, внимательно посмотрев на него, ответил:

— Дома.

Кан Хэ только недавно выучил это слово, но не был уверен, о каком доме идёт речь — о доме семьи Кан или семьи Фань.

— Фань Цзин, дома? — уточнил он.

Фань Цзин кивнул.

На душе у Кан Хэ стало сложно. Впрочем, поразмыслив, он понял, что это было вполне логично. Семья Фань заплатила за него выкуп, и, чтобы он не сбежал, они, разумеется, забрали самый важный документ. Так он узнал ещё одну важную вещь, но сейчас его волновало другое.

Воспользовавшись моментом, он потянул Фань Цзина за рукав и, скорчив страдальческую гримасу, показал на живот. Фань Цзин понял и отвёл его в общественную уборную за углом. Кан Хэ бросил взгляд на уборную, затем на лавку и указал Фань Цзину на дорогу, давая понять, что тот может не ждать — он запомнил путь.

Фань Цзин так и сделал.

Спрятавшись в уборной, Кан Хэ дождался, пока Фань Цзин скроется в лавке, и тут же выскользнул на улицу. Найдя какого-то всезнайку, он дал ему две монеты. Он попробовал заговорить на официальном языке, и тот, к его радости, всё понял и, не удивившись, почему он говорит на нём, принялся отвечать на вопросы.

Вскоре Кан Хэ всё выяснил. Здесь действительно говорили на двух языках: на едином для всей страны официальном и на местном диалекте. Местные крестьяне говорили на диалекте, а приезжие, не знавшие его, использовали официальный язык для общения. Однако знатные люди, считая диалект простонародным, говорили на официальном языке, чтобы подчеркнуть

своё отличие от простолюдинов. Все образованные люди владели официальным языком. Те же, кто не был грамотен, но жил и работал в уезде, с детства учились говорить и понимать его, хотя и с сильным акцентом.

Со временем для удобства в городе почти все торговцы перешли на официальный язык, но, если к ним обращались на диалекте, они отвечали на нём же. В общем, в городе с тобой говорили на том языке, на котором говорил ты.

Только в деревнях, где люди были неграмотны и редко выезжали за пределы своей округи, многие не владели официальным языком, а некоторые даже не понимали его.

Живя в деревне и не встречая никого, кто говорил бы на официальном языке, Кан Хэ и не подозревал об этом. Он был осторожен и, не понимая диалекта, не решался заговорить сам. Если бы он сделал это раньше, возможно, кто-нибудь в деревне и понял бы его, но это могло навлечь беду. Мнимый дурачок вдруг не только исцелился, но и, забыв родной диалект, заговорил на официальном языке. Деревенские жители были суеверны. Даже если бы семья Кан не заподозрила неладное и не потащила его изгонять злых духов, это наверняка сделали бы соседи.

Но даже если он и не мог пока открыто пользоваться своим знанием в деревне, это всё равно была огромная удача.

Однако за одной радостью пришла другая тревога: его документ о регистрации находился у семьи Фань, и как его забрать, он не представлял. Всезнайка объяснил ему, что без этого документа он не сможет найти приличную работу, купить дом или арендовать землю — он будет просто нелегалом.

<http://bllate.org/book/13421/1194816>